

П. И. НОВГОРОДЦЕВ

Об общественном идеале II. Кризис анархизма

1

*Современное состояние анархизма. —
Сходство в судьбе социализма и анархизма. —
Утрата революционной веры как основная причина
кризиса. — Жизненное зерно анархизма*

Судьба анархизма имеет много общего с судьбой социализма. Являясь также доктриной весьма древнего происхождения, анархизм достигает наивысшей степени законченности в XIX веке в эпоху разочарования в правовом государстве. Подобно социализму, он выступает со всей полнотой обетований грядущего совершенства; он гордо противопоставляет себя историческим путям государственной жизни, обещает скорое разрешение общественных противоречий и несет с собою надежду на светлую гармонию земного рая. И, подобно социализму, он постепенно распадается на резко противоположные направления, обнаруживает внутренний антагонизм своих основных начал и утрачивает прежнюю непосредственность своей веры. Конечная цель, которая казалась близкой и легко осуществимой, отделяется от настоящего долгим искусом подготовительного развития и теряется в бесконечной дали будущего.

Неудивительно, если при этих условиях с разных сторон раздаются голоса о кризисе анархизма. Еще в 1902 году один из наиболее беспристрастных исследователей этого направления Кульчицкий предсказывал крушение анархического движения и утверждал, что оно распадается на «литературно-научное и артистическо-этическое направление» его вождей и радикаль-

но практическое направление масс, которые, «покинув знамя анархизма, обманувшего их ожидания, вернуться, поскольку общественный строй за то время не изменится, к социализму в его наиболее радикальной части»*. Пять лет спустя, в 1907 году, совершенно независимо от Кульчицкого, сходное мнение о будущем анархизма высказал Палант, который обнаружил в нем «противоречие начал и стремлений», составляющих «роковой зародыш его разложения». Близко к тому, что говорил Кульчицкий, и он полагал, что часть анархистов, особенно из числа интеллигенции, перейдет к чистому и простому индивидуализму, большинство же, и особенно те, кто на первый план ставит вопросы материальной жизни и экономической организации, склонится к радикальному социализму**. С тех пор как были высказаны эти предположения, ничто не могло их опровергнуть, и в наши дни мы можем повторить их с еще большей решительностью. Не засвидетельствовал ли Парижский анархистский съезд 1913 года¹ картину полного распада анархического движения? Бурные сцены враждебных столкновений, имевшие место на этом съезде, исключение из числа членов съезда анархистов-индивидуалистов, долгие споры о самом понятии и существовании анархизма, все это говорило не о мощи и процветании, а о слабости и разложении. И хотя съезд закончился постановлением о создании новой организации под именем «коммунистической революционной федерации французского языка», но ничто не предвещало этой федерации ни долговременного существования, ни практического успеха. И конечно, не одни условия военного времени способствовали тому, что вскоре эта новая организация совершенно заглохла.

Но еще более убедительно, чем этот частный эпизод из истории анархического движения, о том же явлении кризиса анархизма говорят нам авторитетные голоса из среды самих анархистов. Я имею в виду те интересные характеристики современного состояния анархизма, которые даны в новейших очерках Проло и Лорюло***. Если Кульчицкий и Палант являются судьями

* *Кульчицкий*. Современный анархизм. Перевод с польского С. Штерр. СПб., 1907. Стр. 277. (На польском языке книга появилась в 1902 году.)

** *Palante*. Anarchisme et individualisme. Revue philosophique. Т. LXII (1907). Рр. 364–365.

*** *Jacques Prolo*. Les Anarchistes. Paris, 1912. А. Lorulot. Les Theories anarchistes. Paris, 1913.

со стороны, то эти последние писатели свидетельствуют о своем собственном деле и на основании собственных переживаний.

Каков же смысл их свидетельств? Оба автора, оставаясь убежденными и верными анархистами, согласно заявляют, что старый традиционный анархизм умирает, что героические времена анархизма прошли*. В особенности Лорюло в своем исчерпывающем очерке дает яркую картину последовательных разочарований новейшего анархизма, пытавшегося найти различные новые пути для оживления своей деятельности и каждый раз терпевшего неудачу. «Бесспорно, — говорит Лорюло, — вот уже несколько лет анархизм испытывает глубокий кризис. Он потерял всякий определенный характер. Это — несвязность в идеях и маразм в действии»**. И если сам Лорюло не слагает оружия, если он продолжает верить в анархизм, то только потому, что за традиционными формами этого учения он видит некоторую незыблемую идею. Традиционный анархизм умирает, но остается живой его сущность, его руководящий принцип. В этом отношении Лорюло, как увидим далее, прав. И здесь нетрудно проследить полную аналогию с социализмом. Как там под влиянием суровых опытов жизни происходит поворот от утопического догматизма, от веры во всемогущую силу социальной революции к скромным формулам эволюционного реализма, к смирению пред историческими путями истории, так и здесь замечается совершенно такое же движение мысли от утопизма к реализму, от воздушных замков будущего к твердой почве действительности.

А что же старые вожди анархизма? Остались ли они непреклонными в революционном пафосе своей первоначальной веры? В конце настоящего изложения мы ответим на это более подробно, теперь же достаточно сказать, что самый славный из ветеранов анархизма, наш соотечественник Кропоткин, в своих последних произведениях переносит центр тяжести с революции общественного устройства на эволюцию самого общества, на воспитание людей в духе творческой и сознательной инициативы. Кропоткин, издавший в 1913 году свой завершающий труд «La science moderne et l'anarchie»², уже не тот, каким он был в 1885 и 1892 годах, когда он выпустил в свет свои «Речи бунтовщика» и «Завоевание хлеба». Еще в 1896 г. в своей брошюре «L'anarchie,

* *Prolo*, о. с. P. 84; *Lorulot*, о. с. P. 328.

** *Lorulot*, о. с. P. 315.

sa philosophie, son ideal»³ он вступил на новый путь, резко отделяющий его от бывшего революционного утопизма. Суровые уроки истории сказываются и на этом неизменном борце за свободу и счастье человечества.

Указанное сходство в судьбе анархизма и социализма имеет за собою и тожество причин, обуславливающих их современное состояние. Анархизм, как и социализм, выступил в XIX веке в эпоху наивысшего напряжения революционных надежд, и вера в близкое торжество их идеалов являлась для того, как и для другого направления необходимым основанием их революционного пафоса. И тут с анархизмом случилось то же, что и с социализмом. По мере того, как перспектива революции отодвигалась в туманную даль, наступало охлаждение и разочарование. Это очень хорошо и кратко объясняет Лорюло: «Революция не приходила; все время это откладывалось на следующий день, на будущее. Конечно, ее подготовляли; но энтузиазм ее апостолов не мог уже двигать массы и выводить их из их оцепенения»*. Для тех, кто мог довольствоваться проповедью идеальных начал, хотя бы и весьма далеких от настоящего, нетрудно было остаться верным старому знамени; но для тех, кто ожидал от своей веры непосредственных практических успехов, приходилось искать каких-либо иных путей, примыкать к каким-либо иным общественным направлениям. Так объясняется тот процесс распада анархизма, о котором говорят Кульчицкий и Палант; Проло и Лорюло.

Нам предстоит теперь более подробно выяснить ту перемену, которая совершилась в анархизме со времени его выступления в XIX веке. И здесь, как в отношении к социализму, я имею в виду не историю и не критику разбираемого направления, а изображение его судьбы в ее основных диалектических моментах. Как я уже заметил, в судьбе анархизма сказывается действие некоторых общих причин, обуславливающих крушение утопий. К этому следует прибавить, что это крушение несколько не затрагивает жизненного зерна анархизма, его внутренней правды. Революционные замыслы его оказались несбыточными мечтами; конкретные планы его противоречивы и сбивчивы; но тот дух свободы, который представляется анархизму высшей святыней, который он полагает необходимым отстаивать прежде

* *Lorulot*, о. с. P. 242.

всего другого, есть действительно вечное и священное начало. В анархизме это начало выражается в форме исключительной и односторонней; в жертву ему приносятся все высшие связи жизни. В этом заключается утопизм анархической доктрины. Но вместе с тем исключительность и односторонность, с какими берется здесь начало свободы, свидетельствуют и о неразрывной связи его с человеческим сознанием. С болезненной чуткостью относится анархизм ко всяческим стеснениям свободы, проистекают ли они уже теперь от принудительной власти современного государства или только предвидятся в будущих формах социального устройства. Анархизм столь же отрицательно и враждебно относится к возможному господству социализма, как и к политическим условиям настоящего времени. В этом смысле за ним следует признать значение ревностного и неумолимого стража свободы, полагающего выше всего охрану ее неприкосновенности. «Если бы эта концепция общества без власти и оказалась трудноосуществимой, — говорит в одном из своих сочинений анархист Малато, — она была бы по крайней мере необходимым противовесом, препятствующим индивидуальной свободе потонуть в грядущем торжестве социализма»*.

Мы подошли здесь к определению существа и значения анархизма, и прежде чем обратиться к отдельным анархическим писателям, нам следует теперь более подробно установить и это жизненное зерно анархизма, и обычный логический состав его учений.

2

Существо анархизма. — Отрицание государства. — Признание начала свободы в его исключительности и безусловности. — Бунт против человеческих установлений и против закона Божеского. — Анархизм, как последнее прибежище утопической мысли. — Смешение космологической проблемы с социологической. — Непримируемая вражда к существующему. — Отрешение от практической действительности

Известный исследователь анархизма Эльцбахер на основании чрезвычайно тщательного и в высшей степени осторожного ана-

* *Ch. Malato. De la Commune à l'anarchie. Paris, 1894. P. 258.*

лиза некоторых крупнейших учений этого направления пришел к выводу, что общим в них является их отношение к государству, в остальном же они представляют самые существенные различия*. И действительно, если сравнить учения Штирнера и Прудона, Теккера и Кропоткина, трудно признать в них носителей одной и той же доктрины, если не обратить внимания на их отрицательное отношение к государству. В этом действительно все анархисты сходятся. Начиная от первого из великих анархистов XIX века Прудона и кончая нашим современником Себастианом Фором, все они убеждены, что государственная власть есть величайшее зло, что от нее происходят все общественные бедствия.

Однако справедливое указание Эльцбахера должно быть углублено и продолжено. Отрицание государства и государственного принуждения есть действительно то общее, что объединяет все отдельные анархические учения. Но если вспомнить, что и социализм Маркса завершается утопией безгосударственного состояния и что Маркс и Энгельс также предсказывают в будущем исчезновение государства, то придется признать, что определение Эльцбахера нуждается в некоторых дальнейших пояснениях. Могут, конечно, сказать, что анархизм Маркса и Энгельса является недоразумением, что провести свое отрицание государства без противоречий им не удалось. Но о ком из анархистов можно было бы утверждать, что он дал убедительное построение безгосударственного состояния и сумел доказать, что не только в идеальном замысле, но и в практической действительности можно обойтись без государства? Если судить с точки зрения практической законченности, то отрицание государства является столь же несостоятельным у Прудона и Бакунина, как и у Маркса и Энгельса. Но есть другая точка зрения, с помощью которой между теми и другими учениями можно провести ясную разграничительную черту: для того, чтобы получить эту возможность, надо войти к более глубоким основаниям социализма и анархизма. Тогда будет ясно, что отрицание государства у социалистов имеет совершенно иной смысл, чем у анархистов.

Уже из того простого обстоятельства, что все без исключения анархисты отрицают государство, тогда как среди социалистов к этому склоняются лишь некоторые, следует заключить, что

* *Eltzbacher. Der Anarchismus.* Рус. пер. Н. Н. Вокач и И. А. Ильина. М., 1907. Стр. 306.

в самом существовании анархизма содержится какое-то начало, которое несовместимо с идеей государства и которого нет в социализме. Очевидно, для анархизма отрицание государства является необходимым положением, тогда как для социализма оно представляется лишь одним из возможных последствий. И действительно, в анархизме вражда к идее государства вытекает из его страстной преданности началу свободы, взятому в качестве верховного и безусловного закона общественной жизни. Государственная власть и государственное принуждение несовместимы с таким пониманием свободы, и потому анархизм отвергает их как стоящие в коренном противоречии с предполагаемым им основным законом общения. В крайнем своем выражении это восстание против государства принимает характер стихийного разрушительного бунта, в котором личность, отвергая все стоящие над ней связи, выступает со всей обнаженностью своего эгоизма. В социализме исходным началом является понятие общности, и счастье личности полагается в слиянии с обществом. Господство общества над личностью здесь не только не отрицается, как в анархизме, а, напротив, естественно связывается с самым существованием социалистического устройства. И поскольку государство является одной из форм организованного господства общественного начала над личным, оно вполне совместимо с социализмом. К отвержению государства, к анархическому бунту против власти социализм влечется не созидательными, а разрушительными своими стремлениями, своим революционным отрицанием исторических форм, нетерпимостью и исключительностью своего эгоистического классового обособления. Так появляются те анархо-социалистические течения, которые с такой силой обнаруживаются во французском синдикализме и зарождение которых с ясностью можно указать у Маркса и Энгельса. В этом тяготении к разрушительной стихии эгоистического самоутверждения социализм приходит в невольную и роковую для него связь с анархизмом. Но как только социализм утрачивает свой революционный характер, он становится наряду с другими прогрессивными историческими силами и ведет свою работу в рамках существующего государства. Для анархизма этот переход к мирной государственной работе немислим: бунт против государства составляет его существо и именно потому, что его исходное начало — безусловный закон свободы — не допускает примирения с государством. Анархизм по природе своей всегда

является учением революционным, не в том смысле, чтобы все анархисты требовали немедленной революции и верили в нее, а в том, что лишь в ниспровержении государства они видят осуществление своих целей и что лишь при этом условии они ожидают действительных улучшений. Таковы все анархические учения. Все они отвергают государство, потому что исходят из безусловного начала свободы. Коммунист Кропоткин не менее индивидуалиста Теккера верит в исключительное зиждительное действие индивидуальной свободы, и различие между ними, как и между теоретиками анархизма, не в основном начале общественной жизни, а в способах его выражения и в средствах осуществления. Следует даже сказать более и сильнее: анархизм лишь до тех пор остается анархизмом, пока он сохраняет свое индивидуалистическое начало в его исключительности и безусловности и пока в силу этого он отрицательно относится к идее власти. Утрачивая эту исключительность своей индивидуалистической веры, он или склоняется к социализму и сливается с ним до неразличимости, или путем последовательных уступок и самоограничений приближается к демократическому либерализму. Настоящий и подлинный анархизм не знает этих уступок и самоограничений: его верховным принципом остается начало свободы в ее исключительности и безусловности.

Поскольку анархизм берет начало личной свободы во всем его абсолютном значении, как это имеет место у Штирнера, он представляет собою не только восстание против государства и власти, но и против всякого авторитета, против всякой нормы, против всякой обязанности. Все связи, стоящие над личностью, здесь отвергаются. И этот анархический бунт не ограничивается одними человеческими установлениями: личность, жаждущая полной свободы и безусловной независимости, с логической последовательностью приходит и к бунту против закона Божеского, против идеи Бога. Абсолютной анархизм так же, как и абсолютный социализм, принципиально атеистичны: безбожие есть лишь обратная сторона их абсолютных притязаний. Но и более умеренные анархисты обычно увлекаются на этот путь своим общим революционным духом. Таким образом все основоположники анархизма в XIX столетии, не только Штирнер и Бакунин, но также и Прудон, вступают в борьбу и с идеей государства, и с идеей Бога. Полнота обетований анархического идеала в их глазах устраняет потребность религии. Подобно

вождям социализма Марксу и Энгельсу, они идут с религией на смертный бой: тут нет возможности полупризнаний и компромиссов. Если религия объявляется силой, враждебной делу прогресса и свободы, если в ней видят источник рабства и внешнего и внутреннего, как это особенно резко и настойчиво подчеркивается Штирнером и Бакуниным, то отношение к ней может быть только резко отрицательное и враждебное. В анархизме, согласно его радикально-индивидуалистическому существу, это отрицание религии приобретает особенно воинствующий характер. Его непримиримая вражда к власти земной переносится и на власть небесную. Идея Бога как мироправительного разума представляется ему неразрывно связанной с почитанием земных правлений и царств, и потому подлежащей искоренению. Этот ход мысли является настолько характерным для анархизма, что он встречается даже и у самых умеренных представителей этого течения <...>.

Есть учения, по своему отрицанию государства близкие к анархизму и в то же время остающиеся на почве религии. Таково, например, учение Толстого. Однако, как мы покажем далее, это не есть подлинный анархизм. Точкой исхода является у Толстого не идея личной свободы, а идея Божеского закона. Лишь для того человек освобождается здесь от закона человеческого, чтобы тем прочнее быть поставленным в связи с законом Божеским. Это не столько анархическое, сколько теократическое учение, если брать поднятие теократии в широком смысле слова, как господство религии над прочими элементами жизни. Толстой и сам не только не называет себя анархистом, но решительно противопоставляет свое учение теориям анархистов и чувствует себя духовно чуждым этим теориям*. С другой стороны, и среди анархистов, по компетентному свидетельству Лорюло, учение Толстого не имеет успеха как доктрина мистическая и религиозная**. Между обычным анархизмом и проповедью Толстого есть резкая разделительная черта: принцип личности является у Толстого не абсолютным и самодовлеющим началом, а зависимым и подчиненным, на первом месте стоит абсолютный Божественный закон. Подлинный анархизм, напротив, тяготеет

* Сочинения графа Л. Н. Толстого. Издание двенадцатое. М., 1916. Ч. XIX, стр. 477. («О значении русской революции»).

** *Lorulot*. Les Théories anarchistes. Paris, 1913. Pp. 13–15.

к абсолютному индивидуализму и в логическом развитии приходит к нигилизму одинаково в политике, как и в религии.

Этот нигилистический характер анархизма придает ему значение самой радикальной из утопий. Общественная проблема обнажается здесь до самых своих корней. Все внешние споры общения, как и все внутренние нормы личности, откидываются. На чистой свободе, на естественности, стихийном стремлении человека предполагается создать гармоническую жизнь. Всё связывающее и обуздывающее естественную свободу объясняется ненужным и вредным усложнением, человеческих отношений. В этом выражении своем анархизм является последним прибежищем, последней надеждой утопизма, ищущего общественного идеала в плоскости гармонического единства. После того как мысль исследует все формы идеального устройства власти и все их найдет недостаточными, она, естественно, обращается к анархизму, к мысли об устройении общественной жизни без власти и без закона, на чистом принципе свободы. <...> Если от социализма остается еще возможность перехода к анархизму как к более радикальному направлению, то за анархизмом открываются бездна и пустота, перед которыми кончаются и смолкают социально-философские вопрошания. Это именно мы и замечаем в современной Франции.

Анархизм есть последняя надежда рационалистического утопизма и вместе с тем его последняя вера. И подобно всякой утопической вере, он так же, как и социализм, представляет собою смешение космологической проблемы с социологической. Мировая проблема зла и страдания и здесь разрешается мыслью о счастливом устройении общественной жизни. Начиная от крупнейшего из философов анархизма Макса Штирнера и кончая Себастианом Формом, анархисты одинаково утверждают, что причина бедствий, удручающих людей, есть неправильное общественное устройство. Свобода, настоящая и полная свобода исцелит человечество от его страданий. Но в данном случае несоответствие между проблемой и ее разрешением еще более бросается в глаза, чем в социализме. Ведь анархизм освобождает понятие человеческого страдания от его узкого экономического и классового истолкования. <...>

Радикальный характер анархизма ставит его в положение полной непримиримости с существующими условиями: современный строй держится на принципе власти, и потому у анархиз-

ма не может быть с ним никаких соглашений, никаких сделок. Если и социализм, в силу своих революционно-анархических заключений также становится иногда в резко отрицательное отношение к действительности, то в нем есть и другая сторона, реалистическая, государственная, вследствие чего для него есть возможность войти в прямой союз с существующим государством и действовать в его пределах наряду с другими историческими силами. Для анархизма эта возможность закрыта: если он остается верен своему исходному началу, принципиальному отрицанию государства, то деятельность в государстве теряет для него всякий смысл. Есть, конечно, возможность и здесь стать на точку зрения эволюции и, признавая анархизм конечной целью, утверждать вместе с тем, что в настоящее время он неосуществим и что пока надо жить и действовать в рамках существующего устройства. Но в таком случае практически руководствуются уже не анархизмом и отводят этому последнему значение чистой теории, не имеющей в данный момент никакой связи с действительностью.

Революционная сущность анархизма всегда создавала для него изолированное положение, ставила его в стороне от путей текущей политики. Социализм мог стать основой для широкого и могущественного политического движения в рамках легальной борьбы, отрекшись практически от своих революционных задач и поставив себя в связь с историческими путями правового государства. Анархизм, поскольку он хотел быть действенной практической силой, собирал под свои знамена лишь небольшие группы особенно радикальных членов общества, объявлявших себя непримиримыми врагами существующего. Но эта позиция вечного отрицания не может создать влиятельной политической организации, действующей на протяжении долгого времени. Судьба всех направлений такого рода заключается в том, что, будучи неспособны к непосредственному практическому действию, они растрачивают постепенно и свой революционный энтузиазм. За ними остается значение чисто теоретических деклараций, быть может, и очень ценных по своему основному стремлению, но обреченных на тот «маразм в действии», о котором с таким мужеством самобичевания говорит Лорюло как о печальной участи современного анархизма.

3

Основное противоречие анархизма. — Неизбежное раздвоение анархической мысли. — Сочетание утопизма и реализма, иррационализма и рационализма в анархических учениях. — Утопический и реалистический уклоны в анархизме. — Противоречия коммунизма и индивидуализма в позднейшем анархизме. — Новейший анархизм; полное отрешение его от классовой точки зрения

Основное начало, одушевляющее анархизм, есть идея свободы в ее исключительности и безусловности. Но, подобно тому, как социализм не может свести воедино противоречивые начала общественной жизни, так и анархизм не в силах обнять своим исходным началом многообразие общественных стремлений. Отсюда его неизбежные колебания, отсюда неизбежные противоречия и разногласия его сторонников.

Здесь в особенности важно отметить одно основное противоречие анархизма, неизбежно связанное с самим его существом, являющееся его органическим пороком, его первородным грехом. Пафос анархизма и его стихия есть свобода, но свобода не как принцип индивидуального обособления, а как основа разумного и совершенного общения. Анархизм имеет своей целью дать построение общественного идеала, разрешить социальную проблему, и он притязает на то, чтобы быть самым лучшим разрешением этой проблемы. Он ставит себе ту же задачу, которую открывает «Общественный договор» Руссо: «найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как и прежде». Но это задача квадратуры круга, и с этого начинаются все затруднения. В обществе свобода человека неизбежно ограничивается, и совместить наивысшую свободу с совершеннейшей гармонией общения столь же невозможно, как нельзя смешать белое и черное без всякого для них ущерба.

Философия права, берущая личность во всей полноте ее нравственных определений, выводит ограничение свободы из самого понятия личности, из присущего ей сознания нравственного закона. Исследуя нравственную природу человека, мы открываем в ней такие стремления, которые идут далеко за пределы субъективного сознания. Конкретное рассмотрение личности во всей совокупности присущих ей начал с необходимостью приводит

к признанию связей и норм, ограничивающих личную свободу. И это ограничение, поскольку оно вытекает и из природы общения, и из нравственных стремлений личности, служит не к умалению, а к укреплению дела свободы. Задача нравственного прогресса заключается в том, чтобы исторические и временные ограничения привести в соответствие с началами нравственного сознания. Анархизм исходит из противоположного воззрения: ставя своей целью разрешить проблему совершенного общения, он в то же время принимает свободу как начало отвлеченное и замкнутое, не признающее над собою никаких связей и норм. Но в этом и состоит его коренное противоречие, объясняющее разногласия его сторонников. Удержать чистоту анархического принципа удастся лишь ценою величайшей односторонности и полнейшей отрешенности от жизни. Малейшая попытка практического развития идей анархизма тотчас же приводит к отступлениям и поправкам, явно не обнаруживающим недостаточность исходного принципа. Вследствие этого мы имеем целый ряд ступеней анархической мысли, от наивысшего ее напряжения до наиболее умеренного выражения ее начал.

Наиболее чистой и последовательной формой воплощения анархического принципа следует признать учение Штирнера. Основная идея анархизма выражается здесь с наибольшей яркостью и силой. Особенность этого вида анархизма заключается в том, что тут решительно отбрасывается всякая мысль как о внешних, так и о внутренних сдержках свободы. Идея власти, регулирующей свободу, идея нормы, ограничивающей индивидуальную полую, идея авторитета, стоящего над личностью, все это у Штирнера принципиально отвергается. Свободное гармоническое общение ожидается от творческого действия личных сил. В большей или меньшей степени к этому чистейшему выражению анархической идеи тяготеют все учения анархизма, но в конкретном своем развитии они допускают ряд существеннейших ограничений. <...>

Устроить жизнь без Бога и без власти, без стесняющих личность связей и без всяких ограничений свободы — такова задача крайнего направления анархизма. Но осуществление этой задачи означало бы и разрушение основ общения и гибель дела свободы. Понять общение лиц без признания объединяющей их общей связи невозможно: отвергая эту нравственную природу общественной жизни, мы отвергаем и самое общество, а вместе с тем отрицаем и существо общественной проблемы. Вот почему

крайние течения анархизма всегда сменяются более умеренными, в которых нередко не только притупляется, но и совершенно утрачивается вся острота анархического начала. Отсюда протекает то неизбежное раздвоение анархической мысли, которое наблюдается в ее истории: с одной стороны, мы видим чистоту анархического принципа с полным отрешением от жизненной практики, с другой стороны — известное приближение к жизненным условиям с более или менее решительным уклонением от анархического принципа.

Так и в пределах анархических учений повторяется то же противоречие утопизма и реализма, которое характеризует собою развитие социалистической доктрины. При этом здесь, как и там, утопизм обрекает своих последователей на удаление от жизни, уносит их на высоты субъективного настроения, а реализм приближает к жизни, к ее объективным требованиям, но вместе с тем приводит к крушению отвлеченной анархической теории.

Противоборство утопизма и реализма одинаково свойственно и социализму, и анархизму, но, соответственно существу каждого из этих учений, оно проявляется в них различным образом. Социализм, исходящий из принципа обобществления жизни, достигает вершины своего утопизма в идее совершенного регулирования, а следовательно, и абсолютной рационализации общественных отношений. Анархизм, ставящий во главу угла принцип освобождения личности, наоборот, в высшем своем выражении стремится к отвержению всякого регулирования жизни, а вместе с тем и к социальному иррационализму. И если социализм игнорирует иррациональные основы жизни и верит в безусловное торжество социального разума над стихией общественных отношений, то анархизм склоняется к отрицанию самой идеи рациональных норм и принципов, связывающих лиц между собою, и приходит к вере в иррациональную стихию. Но как социализм не может обойтись без признания стихийной сложности жизни, так и анархизм вынуждается допустить необходимость рациональных принципов общения. В том и в другом случае уступка в пользу отрицаемых начал вызывается тяготением к действительности, к ее конкретной сложности и глубине. Рациональная норма и иррациональная стихия при конкретном построении общественного идеала должны быть одинаково приняты во внимание; необходимость этого тотчас же сказывается, как только переходят к более

подробным построениям, имеющим в виду не только теорию, но и практику жизни. <...>

Социальный иррационализм этого рода является вместе с тем и самым крайним социальным оптимизмом, доводящим утопическую мечту до высшего ее напряжения. Безусловная свобода признается здесь началом всемогущим и всеисцеляющим: от нее одной ожидается гармоническое устроение жизни. Но таким образом предполагается, что в основе стихийного движения свободы скрыта всемогущая устрояющая сила, сила разума и порядка, сила стройности и гармонии. Очевидно, подобный иррационализм, вместо того, чтобы являться признанием сложности и полноты жизни, на самом деле представляет собою лишь опыт отвлеченного упрощения ее задач и путей. Будучи иррационалистической по своим социальным перспективам, философия анархизма в то же время сочетается с самым решительным рационалистическим оптимизмом, с самой безусловной верой в спасительную силу отвлеченных догматов и односторонних начал. Так и здесь, как в социализме, крайний иррационализм переплетается с крайним рационализмом. Но в том способе сочетания, которое эти направления находят в анархизме, заключается источник величайшей слабости анархизма как социально-философской системы. Ведь здесь предполагается, что разрушение всех устоев существующего уступит место свободному разливу стихийных сил. Но кто поручится, что это свободное творчество жизни не повторит известных нам опытов прошлого? Безусловная свобода личности включает в себя всякие возможности, в том числе и отрицание свободы. Полный простор жизненных сил может принести расцвет одним и рабство другим. Если все освобождено, то почему окажется связанным зло? Если нет никаких норм и преград, как ждать, что отсюда и произойдет именно наилучшая гармония, а не злейшая вражда? Социальный иррационализм анархистов ничего не может противопоставить этим сомнениям и вопросам, кроме голой веры в жиждительное действие свободы. Провозглашая неверие, он сам оказывается в плену у веры. Но откуда взять ему священного огня, чтобы напитать эту веру, чтобы сделать ее прочной и непоколебимой? Здесь повторяется судьба всех утопий, пытающихся утвердить здание человеческого счастья над бездной отрицания и неверия.

<...>...Конкретное развитие анархической мысли обнаруживает в ней и дальнейшие противоречия. Как указано выше,

начало личности берется в анархизме в качестве безусловного и исключительного, но вместе с тем оно полагается в основу совершенного общения и рассматривается в общественном своем проявлении. При этом можно идти в двух направлениях: или подчеркивать общественную сторону анархического идеала, или развивать по преимуществу его основное индивидуалистическое начало. Так рождается противоположность коммунистического и индивидуалистического направлений в анархизме. Эти два направления вступают между собою в борьбу и отрицают друг друга. И если индивидуалистический анархизм склоняется к абсолютному индивидуализму, то анархизм коммунистический последовательно должен прийти к социализму и к отрицанию своего исходного индивидуалистического начала. Тот и другой путь одинаково ведут к разложению анархизма.

Новейшие выражения анархизма носят следы пережитых этой доктриной разочарований. <...> Разочарование в возможности скорого пришествия всеисцеляющей революции заставило анархистов искать опоры в области конкретных средств, то в синдикализме, то в социальном воспитании, то в различных способах социальной реформы. Но все это с точки зрения анархического идеала не могло не оказаться недостаточным. И осталось только ожидать нового человека, который создаст новую землю. Это обычный вывод всех утопистов, убеждающихся в отсутствии почвы для их утопий. Приходится взывать к будущему и к возможному усовершенствованию личности.

В этой новой форме своей анархизм отрекается от всех своих прежних догматов и теорий. Старых анархистов Кропоткина, Грива и других он упрекает в теоретичности, в доктринерстве. Он объявляет их учения отжившими и умирающими и жаждет новой доктрины, жизненной и практической. Однако, всматриваясь ближе в эти новые искания, мы находим в них лишь полную неопределенность. Никаких конкретных планов будущего и никакой практической программы действий этот новый догматический анархизм в себе не содержит. Но зато он выигрывает в широте своих перспектив. Он получает характер отвлеченного выражения начала свободы и в этом виде своем возвышается до высоты общечеловеческого стремления к идеалу. В противоположность различным формам новейшего социализма, сохраняющим классовый, пролетарский характер, новейший анархизм отказывается от исключительной связи с задачами

рабочего движения, от связи с «увриеризмом» (*ouvrierisme*)³ и становится на почву чистого гуманизма: не рабочий, а человек полагается здесь центром идеальных стремлений. Личность во всей полноте ее запросов и во всей широте общечеловеческой солидарности — таково основное начало анархизма Себастиана Фора, Эмиля Готье, Лорюло. В этом своем выражении анархизм сознает себя прямой противоположностью социализму и необходимым противовесом ему. Он утрачивает силу стихийно-разрушительного эгоистического дерзания и приобретает характер отвлеченного общечеловеческого стремления к свободе. И в этом смысле он имеет бесспорное значение в ряду идей, борющихся за преобладание и созидających, в совокупности своей, основы грядущих общественных преобразований.

